

А. Разин: «Всю жизнь хожу под статьями»

«Ласковый май». Вот уже который год вокруг творчества этой группы ведутся ожесточенные споры. «АиФ» не является ни особым любителем «Мая», ни его ярким хулителем, но, признавая тот бесспорный факт, что коллектив имеет феноменальную популярность, мы публикуем беседу нашего корреспондента Н. СОЛДАТЕНКОВА с руководителем «Ласкового мая» А. РАЗИНЫМ.

— Андрей, вот уже два года не утихают страсти вокруг «Ласкового мая»: группу и вас лично обвиняют в мошенничестве, подлогах, драках и других преступлениях. И тем не менее «Л М» сейчас уже превратился в специализированное объединение для детей-сирот при «Союзцирк-концерте» Минкульта СССР...

— ...и, несмотря ни на что, мы продолжаем работать. Последнее уголовное дело в отношении нас было закрыто в начале этого года из-за отсутствия состава преступления, но судебная эпопея, я думаю, еще не закончилась.

— Почему?

— Потому, что сейчас по стране разъезжает порядка двадцати псевдо-«Ласковых маев», а в Ленинграде вполне официально работает «Ласковый май-2», который, используя наше название и частично репертуар, зарабатывает, по нашим подсчетам, уже около миллиона рублей. Мы пытаемся бороться с самозванцами, запатентовали название, неоднократно обращались в прокуратуру, но пока с двойниками ничего сделать не можем. И, пользуясь случаем, хочу сообщить фамилии настоящих солистов «Л М»: Ю. Шатунов, А. Разин, А. и О. Гуровы, О. Крестовский.

— В чем вы видите основную причину не любви к вам журналистов: доходы «Ласкового мая», широкая популярность, а может, невысокий музыкальный

уровень исполнителей и композиций?

— Знаете, мне кажется, в нашей стране очень мало талантливых и серьезных музыкальных критиков. А если говорить о популярной музыке, то и объективных и, главное, независимых людей, поскольку многие из них «завязаны» на проведении концертов, шоу и т. д.

Сейчас, например, музыкальные редакторы телевидения — это самые богатые люди в журналистике. Чтобы подойти к такому с просьбой о включении песни, скажем, в «Утреннюю почту», нужно иметь в кармане по меньшей мере 10 тысяч. Спросите об этом любого музыканта, и он подтвердит это. Я помню, когда года четыре назад я выдавал себя за «племянника генсека», все они были такими добрыми, такими внимательными...

Кстати, в своей книге «Зима в стране «Ласкового мая» я подробно рассказываю об этом.

— И тем не менее многие считают музыку «Ласкового мая» неинтересной...

— Знаете, я начинал с другой музыки: с рок-н-ролла в духе «Браво», но, просуществовав два года без всяких средств, понял, что такая музыка интересна только специалистам и не нужна массовой аудитории. И после долгих поисков я нашел музыкальную концепцию «Ласкового мая».

— В чем она заключается?

— В простоте, доступности и мелодичности. Нашу музыку слушают и знают все: бабушки, мамы, внуки, профессиональные музыканты, члены правительства. Хотите вы или нет, но феномен «Ласкового мая» есть, он существует, и отмахнуться от этого нельзя.

— Сейчас много пишут о том, что 37-й год не должен повториться, о перестройке в наших правоохранительных органах. Вы провели почти полгода под следствием, каковы впечатления?

— Кроме хамства, унижений, оскорблений, я ничего не видел и не испытывал. Моих администраторов арестовывали под любыми предлогами, выколачивали показания, сажали в камеры к уголовникам, где их били и насиловали. В стране по-прежнему нет никакой защиты прав человека: посадить могут практически любого и найдут за что. Я ломал финансовые нормы, чтобы разбудить инициативу в людях, еще работая в колхозе в Ставрополе, я организовывал первые центры досуга, хозрасчетные концертные организации. И в принципе я всю жизнь живу, что называется, под статьями, хотя не совершал никаких преступлений.

— Судя по тому, что студия «Ласковый май» почти миллион рублей израсходовала только на

благотворительные цели, вы — организация богатая. Каким образом отразится на вашей деятельности новый закон о налогообложении?

— Поскольку доходы сократятся, фонды тоже станут меньше, и с благотворительной деятельностью придется, видимо, расстаться. Придется также отложить ремонт второго дома-интерната, сократить концертную деятельность. Мы хотели также вложить деньги в строительство мини-завода по стерилизации молока в Ставрополье, но поскольку сейчас ясно, что при таком раскладе это себя не окупит, переговоры с французами прекращены.

— Интересно, что история человеческого опыта неоднократно подтверждала правильность тезиса: от того, что богатые становятся беднее, государство в целом не становится богаче, а наше правительство и, главное, народные депутаты, приняли закон, который ударил по инициативе и желанию людей работать.

— Причина, я думаю, в том, что у нас, в отличие от цивилизованных стран, члены правительства не обладают ничем, кроме своих кресел и причитающихся в связи с этим льгот. А вот если бы министр финансов или Председатель Верховного Совета СССР были еще и владельцами, скажем, заводов и знали на практике, как зарабатываются деньги, то я не думаю, что они стали бы экспериментировать с налогами. Или Лигачев: поработал бы он, допустим, в том же Томске хотя бы полгода председателем колхоза, то узнал, чем в действительности можно и нужно заинтересовать народ и заставить его работать хорошо — пустыми обещаниями или высокими заработками. Вот тогда бы и говорил, что лучше: колхозы или крестьяне, владеющие землей. Вообще я думаю, что ситуация сдвинется с мертвой точки, когда мы выберем в парламент только тех, кто занимается конкретными делами.

4/11 90

Разин А.